

Июльская гроза — эпизод 7 из 8

Из тьмы неба теперь проливался сплошной поток воды, который бил в землю с такой силой, что разрушал и взворачивал ее, словно дождь пахал поле.

Наташе стало трудно дышать в гуще ливня, она пересадила Антошку со спины к себе на руки, чтобы в него меньше попадал дождь и чтобы молния сверху сперва не ударила в него, и снова побежала вперед.

Чаща ливня срасталась перед нею все более непроходимо, даже идти шагом было сейчас трудно и больно, будто детей окружал сумрачный, твердый и жесткий лес, обдирающий их тело до костей.

Шум ливня заглушал удары грома, только молнии были видны. Иногда молний было столько много, что они сливали свой свет в долгое сияние, но это сияние освещало лишь бугры могучего мрака на небе, отчего было еще страшнее.

Наташа измучилась вся; она остановилась и опустила вымокшего Антошку на землю. Сейчас она не знала, что ближе мать с отцом или бабушка, сколько она отошла от бабушкиной деревни и сколько осталось идти домой.

Наташа села возле ржи и изо всех сил прижала к себе Антошку, чтобы хоть он остался живым и теплым около нее, если сама она умрет. Но ей подумалось, что вдруг Антошка помрет, а она одна уцелеет, и тогда Наташа закричала криком, как большая женщина, чтоб ее услышали и помогли; ей показалось, что хуже и грустнее всего было бы жить последней на свете. Ведь, может быть, и дом их в колхозе сгорел от молнии, и двор смыт дождем в пустое песчаное поле, а мать с отцом теперь уже умерли. И приготовившись, чтобы скорее умереть самой, Наташа оставила Антошку и легла на землю вниз лицом, она хотела умереть первой в грозе и ливне, прежде чем умрет ее брат Антошка.

Но маленький брат ее, посидев немного под дождем, сказал сестре:

Давай яму копать, мы туда спрячемся и проживем. Ты гляди, тут песок... Не плачь, а то я боюсь без тебя...

Вымокшие, похудевшие дети стали рыть себе руками яму подле ржи, где была легкая почва. Но, вырыв небольшое углубление, брат и сестра увидели, что сильный дождь дальше сам копает им яму и своею силой вымывает ручьем песчаную землю, однако спрятаться им туда было нельзя.

Наташа и Антошка притаились под ливнем на голой земле, сжавшись и укрывая руками свои головы.

Зачем ты меня к бабке-старухе в гости водила? сказал Антошка сестре. Дома лучше всего сидеть, я люблю дома... А ты девка-гулена!

Знай помалкивай лучше! приказала Наташа. Кто велел поскорей от бабушки

домой идти? Я и блинов ничуть не покушала.

Я у бабки соскучился, смирно произнес Антошка.

Молния засветилась и вздрогнула несколько раз совсем рядом с Наташей и Антошкой, где-то в ближней полегшей ржи. Брат и сестра, боясь грома, заходя схватились руками друг за друга и прильнули лицами один к другому Антошка к груди сестры, а она к его плечу, чтобы ничего больше не видеть. Но в шуме ливня гром прозвучал нестрашно.

Опять мимо, сказал Антошка.

Дети давно продрогли от дождя и теперь прижимались друг к другу, желая согреться; они уже начинали привыкать мучиться, и им дремалось ко сну.

Вы кто-то? хрипло спросил их близкий, чужой голос.

Наташа подняла голову от Антошки. Склонившись на колени, возле них стоял худой старичок, с незнакомым, ничем не обросшим лицом, которого они встретили нынче, когда шли в гости к бабушке. Сейчас этот дедушка, хранясь от дождя, надел кошелку на голову, а щавель и крапиву, наверно, выбросил прочь.

Сморились аль испугались, что ль? спросил у Наташи старик, подвигаясь к детям еще ближе, чтоб они его слышали.

Нам боязно стало, сказала Наташа.

Да как же не боязно-то? согласился прохожий человек. Ишь жуть какая и льется, и гремит, и сверкает. Я-то ведь не боюсь от старости лет, от глупости, а вам чего же: вы бойтесь, вам это надо.

А мы уж привыкли бояться, произнесла Наташа. Теперь нам не страшно. А ты сам кто, ты откуда?

Я дальний, ответил старичок. Верст двадцать отсюда будет, племхоз Победа, не слыхала?.. А я оттуда, я там по племенному делу рассыльным агентом служу: куда что пошлют, что скажут я готов. А нынче в колхоз Общая жизнь ходил, мне велели сказать, чтоб колхоз племенного бычка себе взял. Им бык полагается. Пускай погонщика шлют.

Сказал? спросила Наташа.

Сказал. А сейчас вот назад ворочаюсь.

Антошка встал на ноги и с интересом детства рассматривал чужого маленького деда, стоявшего на вымокшей земле на коленях, с кошелкой на голове. Ливень перешел в сплошной частый дождь с пузырями, и молнии вспыхивали уже далеко в стороне, откуда гром не успевал доходить сюда, умариваясь в дороге.

Ну иди, нам быка давно в колхоз надо, сказала Наташа.

Старик молча глядел на детей под сумрачным долгим дождем.

Сейчас тронусь, неохотно произнес он. Мне пора.

Дед встал с земли и стал заправляться в дальнюю дорогу.

Он крепко привязал свою кошелку обратно за спину и снял шапку с головы. Вам не дойти, сказал старик детям. Там дорогу теперь распустило, там земля густая, добрая, а дождь опять, того гляди, припустится...

Он надел свою шапку на голову Антошки и, согнувшись, касаясь руками земли, велел ребенку ползать к нему в кошелку за спиной, а сидеть там и держаться. Антошка сейчас же забрался туда, и ему стало в кошелке мягко и хорошо.

А куда ты понесешь-то его? быстро спросила Наташа, готовясь изо всех сил вцепиться в лицо старика. Тебе кто наказал его брать?

Понесу к отцу-матери его, куда ж еще! ответил дед. На ваш колхоз. И тебя туда же.